

Александр Афанасьев

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Афанасьев

Последний бастион

«Автор»

2023

Афанасьев А.

Последний бастион / А. Афанасьев — «Автор», 2023

Это повесть о приключениях под палящим африканским солнцем, о поиске клада, о погонях и перестрелках. Но не только. Еще эта повесть — о «бремени белого человека», о том во что превратились страны Африки после ухода белых колонизаторов и о том, как можно вытащить Африку из пропасти.

© Афанасьев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Начало...	6
Пролог... Зимбабве. 13 июня 1993 года	8
Задний двор школы. Час спустя	21
США. Пригород Вашингтона. 11 мая 2...9 года	27
Швейцарская конфедерация. Цюрих, Нарциссштрассе, 28. 15 мая 2... 9 года	28
Тот же день. Отель «Парк Инн»	30
Через несколько часов	33
Картинки из прошлого. Северный Матабелелэнд, район Истнор. 1972 год.	34
США. Пригород Вашингтона. 18 мая 2...9 года	37
США. Вашингтон, округ Колумбия. Здание Джона Эдгара Гувера (Вашингтонский офис ФБР). 29 мая 2...9 года	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Афанасьев

Последний бастион

Ты играй,

Невеселая песня моя...

Ты играй. Ты играй...

В. Цой «Невеселая песня»

Начало...

Четвертого декабря 1893 года, на лесной прогалине, среди заливаемых дождём одиноких равнин Матабелелэнда, между шестью и десятью часами утра, в жестоком бою погибло тридцать четыре молодых человека.

Они умирали тяжело – их поражали ассагаи и пули, которые обрушили на них полчища черных воинов. Воины знали, что на этот раз белые люди находятся в их власти. Для черных воспоминания о последних шести неделях, наполненных унижением, были еще свежи: они вспоминали, как с гордостью и высокомерием, доставшимися от их предков зулусов, они ринулись в атаку на тех, кто дерзко вторгся в их границы и шел к Булавайо; как, неожиданно, в рассветном тумане, они слышали новый и страшный звук, как будто один человек выстрелил из сотни ружей; как в течение секунды, многие из них были ранены или убиты, и ликующие крики уверенной в себе расы воинов, превратились в вопли боли и страха; как выжившие бежали с поля боя, и были встречены насмешками и неверием тех, кто не участвовал в битве. Неделий позже, однако, не верившие были вынуждены изменить свое мнение, когда они попытались повторить эту бессмысленную глупость, атаковав лагерь захватчиков – на этот раз при свете дня.

Но на этот раз поражения и унижения остались в прошлом. Перед ними был отряд белых людей, которые в опрометчивой попытке пленить короля Лобенгулу, оторвались от основных сил и этих страшных «Зигвагвагов», новых пулеметов Максим, поставивших на колени, когда-то гордую нацию. Это был шанс матабелов и *импи* наступали осторожно, отходя каждый раз после очередной атаки, в которой белые люди теряли своих людей и те немногие боеприпасы, которые у них были.

Белые умирали отважно – в высочайших традициях викторианской чести и храбрости. Для многих из них идеалы героизма были естественной частью их происхождения и воспитания. Белые были родом из хороших семей – их предки служили службы, воевали в армии, строили города; они закончили лучшие частные школы – Харроу, Веллингтон, Шерборн, Чаттерхаус. Жизнь в Англии казалась им пресной и закостенелой и поэтому они покинули страну ради Южной Африки, той земли, которая могла предложить им куда большее число возможностей реализовать себя – стать фермером, искать золото, торговать или сражаться. «Для строительства Империи лучшего было не найти... Их предшественники воевали вместе с Веллингтоном при Ватерлоо, их потомки сражались на полях Первой Мировой во Франции, Бельгии и Месопотамии. **Это был класс небогатых военных, жестких и правильных, за которыми стояла империя – каста, едва различимые черты которой, сегодня можно прищмотревшись, разглядеть в тех, кто дожил до наших дней**».¹

Не все погибшие при Шангани могли похвастаться таким происхождением. Некоторые родились в Капской колонии – один, например, был сыном проповедника Голландской Реформаторской Церкви – но и они были пронизаны теми же традициями и этикой. Для всех них, как англичан, так и уроженцев колоний, белый человек был высшим: он основал величайшую империю, которую только видел мир, и в процессе этого принёс мир и просвещение миллионам тех, чьи жизни терзали болезни, голод и жестокость. **В наши дни вошло в моду насмехаться над такими людьми, отпускать поверхностные шутки на тему «бремени белого человека».** Но никогда не стоит забывать тот факт, что те кто был в Шанганском дозоре, как и тысячи им подобных, не боялись принимать на себя ответственность, неизбежно шедшую бок о бок с заявлениями о превосходстве. Когда шансы обернулись не в их пользу, они стояли твердо и умирали неколебимо. «Это были мужчины среди

---

¹

Стюарт Клути. «Африканские портреты».

людей, как и отцы их были мужчинами до них». Так сказал один из матабелов, который сражался против них и эти простые слова несут в себе взаимное уважение, которое будет лучшей эпитафией этому героическому поступку.

Роберт Кари «Время умирать».

Пролог... Зимбабве. 13 июня 1993 года

Демоны появились перед самым рассветом.

Сначала Джеремайя Ситхале услышал лишь далекий шум, который принял за громыхающую где-то грозу – но значения этому он не придал....

Джеремайя Ситхале был пятым мальчиком в семье гордых скотоводов – матабелов. Это племя, которое воинственно сражалось с белыми в рядах террористической группировки ЗИПРА², в конце концов, в 1980 году изгнало их со своей земли, думало, что после победы над белыми все будет хорошо. Но нет – пришедший к власти Роберт Мугабе, представитель племени машонов, тоже воевавший с белыми, но создавший собственную террористическую группировку ЗАНЛА³ решил истребить всех матабелов до одного. В течение года, пятую бригаду спецназа Зимбабве, состоявшую из профессиональных террористов ЗАНЛА, ранее воевавших с властями Родезии, готовили северокорейские инструкторы. И после года подготовки пятая бригада спецназа обрушилась на краали⁴ матабелов, уничтожая всех, кто попадется под руку с нечеловеческой, запредельной жестокостью. Так началась операция «Летний дождь» в ходе которой погибло по разным оценкам от двадцати до пятидесяти тысяч матабелов. Это в десятки, сотни, даже тысячи раз больше, чем убивала, к примеру, расистская полиция ЮАР при подавлении массовых беспорядков в бантустанах⁵. Но всего этого Джеремайя не знал – он родился уже после резни. Он никогда не ходил в школу, не знал букв и не учился грамоте – и он ничем не отличался от таких же мальчишек, живших здесь тысячу лет назад. Белых, которые заставляли отцов отдавать своих детей в школы, в новой стране почти не было

Сейчас Джеремайя гнал коров, принадлежащих его отцу. Стадо надо было перегнать до восхода солнца на новое пастбище, расположенное недалеко от реки. Скота становилось все меньше и меньше, потому что все меньше и меньше было пастбищ. А количество пастбищ сокращалось, потому что белых больше не было, система мелиорации пришла в упадок, и некому было остановить разведение неграми коз. Козы – это такие животные, которые не требуют особого ухода в отличие от коров, но зато достаточно пару лет их попасть на хорошем пастбище – и пастбища больше не будет. Козы выедали траву подчистую, и она больше не вырастала. Но всего этого Джеремайя тоже не знал – он просто знал, что скота у его отца раньше было больше, а хорошие пастбища найти было проще. Вот и все.

Мальчик устало шел по протоптанной в пыли дороге, погоняя своих длиннорогих, коричневого цвета коров криками и тычками длинной, заточенной палки, которая была у любого пастуха и заменяла ему кнут. Подвешенные на каждой корове колокольчики, сделанные из консервных банок, звякали и брнчали, выводя незатейливую мелодию при каждом шаге коров. Все было как всегда.

И тут появились демоны – страшный вой и рев, яркий свет над головой, ужасный ветер. Джеремайя упал на песок, стараясь вдавиться в него как можно глубже, как прячется в песке ящерица, надеясь изо всех сил, что духи воздуха и тьмы пощадят маленького мальчика и не заберут его с собой.

А потом духи исчезли. Рев и свист ветра стали все тише и тише, и наконец, исчезли где-то впереди. Погас и светивший с неба ослепительный свет. И тогда Джеремайя, сбросив с себя

---

² Народно-освободительная армия Зимбабве. – *прим. автора.*

³ Африканская национально-освободительная армия Зимбабве. – *прим. автора.*

⁴ Поселения – *прим. автора.*

⁵ Места, выделенные для поселения племен в расистской ЮАР. Они находились на расстоянии друг от друга – таким образом, возможность межплеменной резни исключалась. Что происходит, если племена не расселять по бантустанам, а дать им полную волю и свободу – можно увидеть на примере операции «Летний дождь» – *Здесь и далее прим. автора.*

вызванное страхом, оцепенение вскочил на ноги и побежал со всех сил в ночь, жадно давясь заглываемым воздухом и все еще не веря до конца в свое спасение. Где-то впереди, грохоча копытами по иссушенной земле, мчалось обезумевшее стадо.

Джеремая не знал, что пронесшийся над ним на предельно малой высоте, чтобы не давать отметки на экранах радаров, загруженный до предела самолет Hercules C-130 ВВС ЮАР, который много лет потом будет числиться пропавшим без вести, в конце концов, много лет спустя повернет вспять историю африканского континента. Но все это будет потом. Много лет спустя...

США. Уолдорф, Мериленд. 11 мая 2...9 года

– Эд!

Твою мать.... Да что же это такое... Нет мне покоя на земле...

– Эд, ты что, охренел?! Брифинг из-за тебя не начинают! Томпсон и так уже всех на ноль там умножает! У тебя что, взысканий в личном деле мало? Пошли!

Держа в одной руке тяжелую и неудобную каску, а в другой автомат я пошел к мобильному штабу следом за агентом Монро...

* * *

Да, кстати, давайте познакомимся. Эд де Вет. Вообще-то Эдриан, но все зовут меня Эд, так проще и удобнее. Тридцать девять лет, не женат, нахожусь в отличной (без шуток) физической форме.

Я – агент ФБР. И не просто агент – а боец специального антитеррористического подразделения HRT – hostage rescue team. Группа освобождения заложников. Базируемся в Квонтико, штат Виргиния. И в своем деле мы лучшие, что бы там не болтала Дельта⁶, нью-йоркский или лос-анджелесский SWAT⁷. В этих группах вообще любят языками чесать – только успеваешь лапшу с ушей стряхивать. Особенно нью-йоркский SWAT в этом преуспел – а на недавних учениях их снайпер в заложника попал. Хорошо, что в мишень заложника, а не в реального гражданского. Зато как их послушать...

Вообще-то я в ФБР идти не хотел. Первоначально я, как и отец пошел в морскую пехоту. Отец мой служит там и сейчас – командует специальным подразделением, тоже антитеррористическим. Полковник Джонатан Де Вет, может слышали? Нет? Ничего удивительного, MEU (SOC) себя особо не афиширует⁸.

Впрочем, с отцом мы особо не уживались, это кстати семейная традиция Де Ветов. После очередного скандала я просто швырнул на стол рапорт, зачеркнув семь лет службы. Вот такой я дурак.

Когда я швырнул рапорт на стол и снял форму – передо мной встал вопрос, куда идти. Гражданской специальности у меня не было, я фактически вырос на военной базе, среди военных. Да и не хотелось мне ничем другим заниматься.

И тут мне повезло. Один из моих дружков детства, Кертис Александер, закончил юрфак и неожиданно для всех пошел на работу в Федеральное Бюро Расследований. Мозгов у него всегда хватало, поэтому он уже в тридцать лет стал помощником резидента⁹. Причем помощником резидента в достаточно крупном городе, не буду называть, в котором. И, узнав, что я

---

⁶ Армейское спецподразделение по борьбе с терроризмом – (прим. автора).

⁷ *Special weapon and tactics* – группа специального оружия и тактики, полицейский спецназ, наподобие СОБР – (прим. автора).

⁸ *MEU (SOC)* – Marine Expeditionary Unit (Special Operations Capable) – специальная группа морской пехоты США, занимающаяся борьбой с терроризмом, специализируется на действиях на кораблях. Очень подготовленное подразделение. Знамениты еще и тем, что единственные в американской армии официально вооружены старым добрым M1911 производства Unertl – прим автора

⁹ Так называется руководитель полевого офиса ФБР – прим. автора.

ушел из морской пехоты, связался со своим начальством, те в свою очередь предложили мне работу «по специальности». Так я стал бойцом HRT.

HRT в ФБР – это особый мир, это кусочек армии в ФБР, правда без воинских званий.¹⁰ Принимают в HRT в основном молодых людей, отслуживших в армии, желательно в спецподразделениях. Подготовка и нормативы у нас превосходят армейские. Тяжелого оружия у нас нет – зато стрелковое оружие закупается совсем не так, как в армии, где до сих пор пользуются никуда не годными карабинами М 4. У нас, например, в оружейке есть и НК 416 и НК 417 и SIG и Troy SOPMOD и много чего другого. Боец подбирает оружие по руке из списка рекомендованного – а он достаточно широкий. Например, в списке рекомендованных для нас штурмовых винтовок – девять моделей. Кроме того, мы забираем для себя все наиболее ценное из изымаемого. Так, например, недавно изъяли DSR N1 – немецкую снайперскую винтовку, которую мы сразу же забрали себе. Не уничтожать же...

Теперь о том, что я здесь делаю... Что я здесь делаю... Да в дерьме сижу по уши, как обычно!

...

Несколько дней назад в офис местного шерифа поступила информация о том, что в городе пройдет встреча не... афроамериканских дилеров с латиноамериканскими дистрибьюторами. Товар надо называть, которым они торгуют или сами догадаетесь? Вот-вот! Он самый!

По инструкциям, о такой информации следовало немедленно сообщить в местный офис DEA¹¹. Но у шерифа на носу были переборы¹² и он решил, что громкий арест под самые выборы ему не повредит. Поэтому он решил действовать самостоятельно, не ставя никого в курс дела.

И вот итог! Прямо в центре города началась перестрелка из автоматического оружия. Из бандитов убито трое, шериф тяжело ранен, помощник шерифа убит. Убита женщина, выходящая из супермаркета, трое гражданских ранено. В живых осталось четверо бандитов, у которых как минимум один Ак-47, один Узи и один обрез помпового ружья. И что самое хреновое – на пути их бегства оказалась школа, а местные копы не придумали ничего умнее, как перекрыть дорогу своими машинами недалеко от школы. Убив охранника, драг-дилеры ворвались в школу и захватили в заложники около пятидесяти детей. Только после этого, местные власти додумались поставить в известность ФБР. Пока мы вертолетами добирались сюда из Квантико, бандиты выстрелом из окна смертельно ранили еще одного полицейского. Вот и весь расклад на сегодня. Говённый расклад.

А самое хреновое – началось потом. В этот день моя группа дежурила в Квантико¹³, поэтому вызвали именно нас. Захват заложников в школе – дело достаточно серьезное чтобы вызывать HRT. Поэтому дежурная группа со мной и нашим куратором из вашингтонского офиса – агентом Монро, случившемся в этот день на полигоне, взяла все самое необходимое на случай экстренного штурма, оседлала вертолеты и отправилась на место. Основное оборудование отправили на грузовиках, кажется должны уже подойти...

Так вот, подходя к городу, запросили посадочную площадку для вертолетов, поближе к месту действия. И эти придурки местные не придумали ничего лучше, как посадить вертолеты со спецгруппой на футбольном поле захваченной школы. Поняли мы это в самый последний

¹⁰ Надо сказать, что, в отличие от России, в США правоохранительные органы не являются военизированными и воинских званий там нет. Звания, конечно, есть – например, в ФБР есть «агент», «специальный агент», «инспектирующий агент» – но абсолютно непохожие на армейские. Честно говоря, бывает смешно читать русских авторов, которые в своих романах (иногда неплохих!) упоминают мифических «полковников ФБР» и «майоров ЦРУ». *Смех и грех... – прим. автора.*

¹¹ *Drug Enforcement Administration* – спецслужба, занимающаяся в США борьбой с наркомафией и наркобизнесом – прим. автора.

¹² В США должность шерифа является выборной – прим. автора.

¹³ База КМП США Квантико штат Виргиния, там же находится академия ФБР и некоторые силовые подразделения – прим. автора.

момент. Агент Монро орал по связи на местных придурков так, что я думал, у него голова оторвется... Площадку нам дали в другом месте, примерно за полторы мили до школы.

Притащившись на место, мы обнаружили такой бардак, что ни в сказке сказать... Нормального оцепления не поставили, зато у полицейских машин наряду с полицейскими толпились одетые в камуфляж местные мужики, вооруженные в основном охотничьими винтовками с оптикой. Когда я спросил что за нахрен здесь делается, мне сказали, что помощник шерифа, который здесь рулил, не придумал ничего лучше как созвать местный posse comitatus¹⁴. Теперь же он с трудом удерживал вооруженную толпу от того, чтобы она не ринулась на штурм здания школы...

Увидев этот бардак я, честно говоря, озверел. Схватил за грудки местного помощника шерифа, и сказал, что если он сейчас же не уберет от школы весь вооруженный сброд, то я лично позабочусь о сроке для него и о тюремной камере на пару со здоровенным не... афро-американцем – насильником, чтоб нескучно сидеть было. Хотел я ему еще морду набить, но вовремя вмешался Монро. Тем не менее, минут за двадцать вооруженную толпу удалось отогнать.

И третье хреновое, что здесь произошло. В эти места за каким то чертом принесло заместителя директора ФБР Мэриана Томпсона. Видимо просто оказался здесь проездом. И узнав о сложившейся ситуации не преминул припереться сюда чтобы поруководить и покрасоваться перед телекамерами. Ходят слухи, что он скоро будет баллотироваться в Конгресс. Сука...

...

Пока я тут с вами болтал, агент Монро чуть ли не под руку довел меня до машины мобильного штаба. Сама по себе она представляла трехосное шасси пожарной машины, на которую фирма Oshkosh водрузила бронированный кузов с массой антенн поверху. Все это выкрасили в черный цвет и написали на боку большими желтыми буквами ФБР. Выглядело внушительно.

В машине как всегда уже яблоку было негде упасть, приперлись все кому не лень, а поскольку мы пришли последние – места нам достались у самой двери. Местный резидент, Том О.Нил, сунул нам по большому пластиковому стаканчику с кофе – дурным, напоминавшим грязную воду. И на этом спасибо...

Тем временем, замдиректора Томпсон включил большой экран, на котором появился план школы и, улыбаясь (у него была привычка улыбаться всегда, даже когда вокруг нет журналистов – профессиональная деформация) начал вещать.

– Прежде всего, господа, я хочу, чтобы вы все меня поняли. Мне нужна быстрая и чистая операция. Повторения того дерьма что произошло в Вако я не допущу!¹⁵

– Твою мать – подумал я – а это-то он на кой черт сюда припел. Вот идиот – так идиот. Все остальное, что говорит Томпсон, вдруг стало для меня неинтересно.

Проговорив минут пять, Томпсон величественно кивнул всем собравшимся и уступил место импровизированной трибуны местному резиденту Тому О.Нилу. Вот его стоит послушать...

– Итак, господа, с чем мы имеем дело. Прежде всего, хочу сказать: личности троих подозреваемых уже установлены. Начнем с первого – резидент нажал на кнопку лэптопа¹⁶, на экране

¹⁴ Местная группа вооруженных граждан, которых шериф созывает, когда нужна помощь в масштабных мероприятиях. Традиция эта идет еще с 19 века – прим. автора.

¹⁵ События в Вако, штат Техас – в начале 1993 года агенты различных правительственных ведомств осадили ранчо в Вако, где забаррикадировались члены секты «Ветвь Давидова» по главе со своим проповедником Дэвидом Корешем. Началось это все с того, что агенты местного ФБР попытались вломиться на ферму с незаконным обыском – но получили отпор. После неоднократных неудачных попыток штурма 19 апреля 1993 года агенты, при поддержке танков и БМП пошли на последний и решительный штурм. В результате этого погибли 75 человек. Дело считается несмыслаемым пятном позора в летописи ФБР – прим. автора.

¹⁶ Он же ноубук – прим. автора.

появилось омерзительное, быкообразное, афроамериканское лицо. При встрече с таким на улице я снимаю пистолет с предохранителя. На всякий случай...

– Разрешите представить вам первого фигуранта. Гарри Джексон, по прозвищу Малыш. Двадцать девять лет, вес сто пятьдесят пять килограммов, рост два десяти. Родился в Бронксе. Пять судимостей, все – за насильственные преступления. Нападения, вооруженное нападение, угон. Вышел шесть месяцев назад по УДО¹⁷. Опасен. Принимает наркотики.

– Интересно, судья его хоть видел, перед тем как подписать ему УДО? – пошутил кто-то

– Прекратили болтовню! – резко среагировал О.Нил – сейчас не время и не место. Наши аналитики из отдела поведенческих наук¹⁸ считают, что Малыш при встрече с наркодилерами исполнял роль телохранителя, бойца. Мозгов у него нет ни грамма. Но он опасен, почти нечувствителен к боли. С ним надо быть очень осторожными. Вопросы?

Не дожидаясь вопросов, замдиректора Томпсон махнул рукой, мол, давай дальше

– Второй из преступников – Тимоти Пай. Этот больше похож на человека...

Глядя на его рожу, я бы так не сказал...

– Тридцать один год, всего одна судимость – за сбыт наркотических веществ. Аналитики предполагают, что он является лидером группы. Умен, хитер, для того, чтобы его задержать потребовалась двухгодовая операция с внедрением, которую проводило наше Нью-Йоркское отделение. Обвинение практически развалилось, ему вменяли девятнадцать пунктов, а доказали всего лишь один. В местах заключения был одним из лидеров «Черных братьев».

Резидент снова нажал на кнопку

– И, наконец, третий – Томас Пеппер. Еще один телохранитель. Тридцать три года. Самое плохое – что он служил в армии, участвовал в «Свободе Ираку». Изгнан с позором из рядов вооруженных сил США. После возвращения практически сразу же совершил разбой и попал на зону, где и познакомился с Тимоти Паем. После освобождения, опять – таки условно – досрочного, стал его постоянным помощником и телохранителем. Что самое плохое – мы уверены, что их там четверо, но четвертого установить нам не удалось.

– Какое у них оружие? – спросил я.

– Как минимум один Ак-47, один Узи, один помповый дробовик, верней обрез дробовика. Пистолеты, конечно у всех. Наверное, есть что-то еще, четвертый не одним пистолетом вооружен явно.

– Бронежилеты?

– Могут быть – скривился О.Нил – уж очень они легко раздраконили ребят местного шерифа, а заодно и боливийцев прижучили.

– Боливийцев?

– Да, боливийцев. Их было двое, по нашим предположениям – представители семейства Эйма. Производители кокаина. Оба мертвее дохлой рыбы, причем, по крайней мере, один из них был убит не помощниками шерифа...

...

Твою мать... Это хуже некуда. Если эти ... афроамериканские бандиты убили представителей семейства Эйма, то они должны понимать, что теперь им не выжить нигде, ни в тюрьме ни на воле. Эйма, могущественный клан боливийской мафии, не прощал таких вещей и всегда посылал за людьми, убившими их представителей, своих исполнителей. Причем этими исполнителями могли быть и бывшие военные. В общем, убил представителя семейства Эйма –

---

¹⁷ Условно-досрочное освобождение – прим. автора.

¹⁸ Отдел поведенческих наук при Академии ФБР в Квонтико, штат Виргиния – наверное, лучшая в мире структура, занимающаяся анализом поведенческих реакций. Аналитики из этого отдела сыграли немалую роль в арестах многих известных преступников. Особых успехов отдел добился в раскрытии преступлений, совершенных маньяками – прим. автора.

можно самому идти на кладбище и могилу себе копать, не дожидаясь пока это за тебя сделают боливийцы.

А это значит, что нервы у преступников на взводе и могут сдать в любой момент. Если кто-то не выдержит и пустится в рок-н-ролл с АК-47 в руках – крови будет море. Этого только не хватало.

...

– Кто ведет сейчас переговоры?

– Гарри Треверс, он прибыл сюда час назад.

Ну, тогда за эту часть можно быть спокойным. Профессор, доктор психологии Гарри Треверс из отдела поведенческих наук – ас в вопросах проведения переговоров.

– Хорошо! – заместитель директора Томпсон поднялся со своего стула, переключая внимание на себя. Агент Де Вет, вам дается час на разработку плана действий в кризисной ситуации (сказал бы уж – плана штурма – просто и понятно). Через час прошу вас, агента Монро и профессора Треверса подойти ко мне сюда. На этом – все, джентльмены.

...

Сидение у самого входа имеет и свои плюсы – после завершения совещания я и специальный агент Монро оказались на улице первыми. Оглядевшись по сторонам, я заметил наши трейлеры (мы перемещались на, похожих на рефрижераторные фуры трейлерах без опознавательных знаков. Обычные трейлеры, обычные белые Фрейтлайнеры как тягачи – удобно и не привлекает лишнего внимания), стоящие неподалеку. Значит, успели прибыть. Тем лучше.

– Пойдем, подумаем, что нам делать со всем этим дерьмом – добродушно сказал агент Монро

– Общий сбор всем кроме снайперов! – сказал я в закрепленную на левом плече рацию и пошел следом.

Кризисный штаб

– Так, по порядку! – жестко сказал я – один говорит, остальные слушают и не перебивают. Гарри!

Гарри Торндлав, невысокий, худощавый очкарик, типичный гик¹⁹, поднял глаза от компьютерного монитора ноутбука, установленного в просторном кузове. У нас он отвечал за организационные мероприятия при подготовке к штурму.

– Сэр, планы здания я загрузил в память и проанализировал – Гарри повернул экран монитора так, чтобы все могли видеть – основной точкой проникновения при штурме я бы выбрал спортзал. Он стоит немного в стороне от крыла, где находятся заложники, и что происходит в спортзале – из захваченной аудитории не видно. Оттуда же, вот по этому коридору и дальше сюда вы выходите прямо к захваченной аудитории. Вот здесь и здесь я бы порекомендовал поставить пару лестниц и отправить отряд штурмовиков на крышу – они закрепят веревки вот здесь и здесь, при штурме спустятся в аудиторию и ворвутся через разбитые окна. Запасной путь проникновения – здесь, через учительскую. Придется ставить лестницы до второго этажа, кроме того захваченная аудитория слишком близко и могут возникнуть проблемы. Но как запасной вариант – вполне сойдет. После штурма – эвакуация заложников – через основной вход. У меня все.

Гарри как всегда сделал свою работу на пять. Даже с плюсом.

– Молодец, Гарри. Теперь Том!

Томас Макнейл отвечал на связь нашей группы с переговорщиками – тоже немаловажная функция. Доктор Гарри Треверс на совещании, конечно же, не присутствовал – отвлекать переговорщика от переговоров с террористами – последнее дело. Сейчас он сидел в небольшом неприметном фургончике, оснащенном, однако самой современной аппаратурой связи и

---

¹⁹

geek – ботаник на американском сленге. – прим. автора.

разговаривал с террористами. Там же сидели двое его помощников – к доктору Треверсу даже обращаться напрямую с вопросами было категорически запрещено – все решали помощники.

– Я разговаривал с Мэри пять минут назад (Мэри – аспирантка дока Треверса, ходят упорные слухи, что не только аспирантка). Террористов четверо, старший среди них, как и предполагалось Пай. Умен, хитер, но находится на взводе. Требования: тридцать миллионов долларов, машина до ближайшего аэропорта, вертолет, шесть парашютов и паспорта без фотографий, но подлинные – восемь штук. Судя по всему, соображает, что ему светит, если он попадет в руки боливийцев – поэтому и хочет чистые документы. По два на каждого.

– А парашютов почему шесть?

– Он сказал, что возьмет двоих детей в качестве заложников в аэропорт. Если парашюты будут неисправны – дети разобьются.

– Вертолет с экипажем или без?

– Без, в том то и дело. По нашим данным один из террористов, Пеппер, в армии научился пилотировать вертолет. Поэтому пилот ему не нужен – он у него есть в группе.

– Ясно, что еще.

– Треверс говорит, что все они на взводе, один похоже ранен. До ночи он их удержит, дальше – не факт. Пай заявил, что если через четыре часа его требования не будут выполнены, он расстреляет ребенка и будет расстреливать по одному ребенку в час, а тела будет выбрасывать в окно прямо под объективы фотокамер. Док считает, что свою угрозу он, безусловно, выполнит.

– Им уже что-то передавали?

– Армейскую аптечку и несколько таблеток амфетамина. Брать еду, что для себя, что для заложников они отказались.

Умные, сволочи. Если бы они взяли еду – мы бы подмешали препарат, вызывающий потерю сознания и когда дети потеряли бы сознание – мы бы пошли на штурм. Для штурмовика нет ничего страшнее переполненного помещения с заложниками, которые при штурме могут начать метаться, перекрывать линию огня или даже броситься в поисках спасения на штурмовиков. Упаси бог от такого.

– Еще что-то?

– Больше пока ничего.

– Ясно. Центр – Глазам!²⁰. Кто видит цели и может стрелять – отзовитесь.

– Глаз один!

И все. Из четырех снайперов сейчас работать может только один. Это плохо.

– Глаз один, докладывай! – запросил я по радиации Джошуа Мерлена, бывшего снайпера морской пехоты, второго номера в снайперской паре, способного при необходимости быть и первым номером. Первым был Ник Томлинсон

– Скверные дела, сэр! Видим одного из танго²¹. У него пулемет.

Твою мать!!!

...

– Я поднимусь к вам, можно?

– Добро пожаловать, шеф...

Одно из правил – во время работы снайпера беспокоить и отвлекать нельзя. Даже подходить к его «лежке» не спросив разрешения – дурной тон.

– Все остаются на местах, я минут на пятнадцать.

---

²⁰ глаз – позывной снайперов – прим. автора.

²¹ кодовое название террористов в армии – прим. автора.

Оставил в машине автомат, выскочил на улицу. Полушагом полубегом пошел к пятиэтажному офисному зданию старой постройки, находящему в ста семидесяти метрах от школы. На пятом его этаже, в одном из офисов оборудовал себе позицию Томлинсон с напарником.

Тяжелая деревянная дверь старинной работы, закрепленная на пружине, поддавалась с трудом, в крошечном вестибюле никого не было – всех эвакуировали. Лифт был прямо у меня перед носом, но я побежал на пятый этаж по узкой лестнице, перепрыгивая ступени. Терпеть не могу лифты – это самые настоящие ловушки и никогда не знаешь, на что напорешься, когда откроется дверь. Поэтому я поднялся по лестнице до пятого этажа, прошел по темноватому, застеленному черным ковролином коридору и постучал в дверь офиса N 510. Именно там сидели в снайперской засаде агенты Томлинсон и Мерлен.

– Не заперто! – знакомый голос изнутри.

Открыл дверь. Вошел. За пластиковой легкой перегородкой на столах лежал Ник Томлинсон. Устроился он, надо сказать весьма неплохо – сдвинул вместе четыре стола, сверху положил два стрелковых мата и залег с комфортом. Рядом лежал агент Джошуа Мерлен, напарник Ника и закадычный друг, второй номер команды. Перед ним на штативе была подзорная труба шестидесятикратного увеличения, с широким углом зрения и лазерным дальномером, а также стрелковый блокнот с записями ориентиров, промерами расстояний до цели и баллистическими таблицами на случай если кто забудет. Под руками также лежал баллистический калькулятор²² и рация, наушники были на голове. Ник снял с головы наушники и отложил в сторону – снайпер ничем отвлекаться не должен. Так же в комнате было три винтовки.

Сейчас Ник держал в руках сделанную по специальному заказу полуавтоматическую снайперскую винтовку Alexander Arms с длинным стволом в двадцать четыре дюйма. Сделана была эта винтовка под чудовищный патрон .50 Beowulf, у которого дульная энергия на выходке из ствола превышала четыре тысячи джоулей, и которой на близкой дистанции можно было завалить медведя. Траектория у этого патрона была не совсем снайперской – но тут расстояние работы было всего то сто семьдесят пять метров, зато все это окупалось чудовищной разрушительной силой тяжелой пули. Такая пуля свалит даже такого быка как «Малыш» Джексон, если надо будет.

Рядом, стояла пока незадействованная DSR N 1 – дорогушая немецкая снайперская винтовка. Ее изъяли в Майами у контрабандистов и Ник сразу захватил ее себе, как только узнал о ней. Сейчас винтовка стояла рядом с ним, опираясь на сошки, и выглядела как оружие инопланетян – необычно и грозно.

Джошуа, помимо того, что наблюдал в трубу, держал рядом с собой, под рукой бесшумную Mk12. Заряженная патронами Mk262, эта винтовка вполне могла составить конкуренцию на такой малой дистанции любой винтовке калибра 7,62 НАТО. Кроме того, эта винтовка была скорострельной – идеальное оружие второго номера снайперской пары, короче.

– Что там насчет пулемета?

– Сам взгляни. Вон винтовку свободную возьми и ложись рядом да взгляни – ответил Ник, не отрываясь от прицела.

Я взял DSR, машинально отметив, что на ней стоит ствол под самый мощный патрон – .338 Lapua, стараясь не мешать Нику, примостился на самом краю стола, приложился к винтовке, взглянул в прицел.

В прицеле вяло шевелилась покрытая зелеными листьями ветка, пока я поворачивал винтовку, плавно плыла охристого цвета стена школы, ряды окон, закрытых белыми жалюзи. Стоп! На одном из окон жалюзи нет.

Вгляделся в прицел – и ... чуть не выронил винтовку. Сначала мне показалось, что по классу ходит орангутанг. Отец в детстве водил меня в зоопарк и там я видел и запомнил здо-

рового волосатого орангутанга. Он громко ревел и даже бросил в решетку клетки немаленький камень, отчего все посетители в ужасе отпрянули от клетки. Нечто подобное сейчас ходило по классу, возвышаясь над головами детей, которые те положили на парты. Я почти физически ощутил тот ужас, который они сейчас испытывают. Орангутанг с оружием – что-то новенькое.

Но это был не орангутанг. По классу раскачивающейся походкой мимо парт, не останавливаясь ни на минуту расхаживал громадный не... афроамериканец! Господи, ну не могу я это слово выговаривать, язык сломаешь право слово. Буду уж негром называть, надеюсь, мои читатели меня извинят за неполиткорректность, а мое начальство не прочтает эти записи. Иначе порвут меня в отделе равных прав и возможностей, как тузик грелку.

О чем это я? Ах да. О негре. Так вот расхаживает этакий детина, одетый в черную куртку с эмблемой известного баскетбольного клуба «ЛосАнджелес Лейкерс». Рост у этого детины – чуть ли не под потолок (или мне это кажется со страха), громадное пузо выпирает из-под куртки, черная кожа лоснится, будто маслом намазанная. Но самое главное – в руках у этого чуда природы действительно пулемет. Похоже, югославский ручной пулемет модель 77Б, сделан на базе автомата Калашникова, под патрон 7,62*51 НАТО, магазин двадцать патронов, ствол не сменный что ограничивает возможность ведения длительного огня очередями. Но тут никакого длительного огня не надо – саданет по классу очередью на весь магазин – и этого за глаза хватит...

И «снимать» его одного снайперу нельзя. Я понаблюдал минут пять – в прицеле появлялся только он один. Тогда где же остальные?

– Других видел?

– Нет, только этого.

Самое скверное, если остальные трое разберлись по школе и заняли позиции для отражения возможного штурма, а этого отрядили в класс с задачей, как только начнется штурм – стрелять на поражение...

– Если пойдут к машине все четверо, снять сможете?

– Все четверо... – скептически хмыкнул Ник – снять то конечно сможем, только... Ты реально думаешь, шеф, что они вот так вот пойдут в машине гуськом все четверо?

Да уж, глупость сморозил... В последнее время преступники и террористы становятся все умнее и умнее, не в последнюю очередь благодаря боевикам, которые крутят на каждом телеканале. Могу, например, сразу навскидку, назвать несколько способов, как защититься от снайперского выстрела. Первый – берется занавеска или покрывало или любая другая плотная ткань подходящего размера, проделывается несколько дырок для наблюдения, к террористу привязывается двое-трое заложников – и вперед. Стрелять по такому вот чуду, когда непонятно где террорист, а где заложник – нельзя категорически. Второй способ: берутся углекислотные огнетушители, которые есть в любом американском учебном заведении в достаточном количестве, вперед высылаются заложники, которые создают своего рода дымовую завесу. Третий способ: элементарно один террорист с заложниками идет к машине, трое ждут в месте, не простреливаемом снайпером. Четвертый, чаще всего применяемый при неудачных ограблениях банков: террористы и заложники надевают одинаковые шапочки – маски – и угадывают: ху из ху. Так вот: четыре только самых распространенных способа...

...

– Но этого снимешь?

– Этого сниму с гарантией, – заверил меня Ник.

– Добро! – аккуратно, стараясь не помешать сосредоточенному на цели снайперу, я соскользнул со стола, поставил на прежнее место винтовку и направился в обратный путь, к кризисному штабу.

...

– Значит новая вводная! Снайпер наблюдает и может снять только одного террориста из четырех. Самого опасного – у него ручной пулемет. Остальные террористы непонятно где, возможно даже не в классе.

Орлы мои поникли духом – задача становилась все более и более сложной.

– Сэр, – сказал Гарри с убитым видом – пять минут назад по связи передали: шериф Гастингс скончался в больнице от огнестрельных ранений...

Час от часу не легче. Тем не менее, в моей голове уже созрел план штурма.

– Значит, как я думаю – начал я, внимательно глядя на старших в штурмовых группах – на данный момент террористы, скорее всего, расположены так, что уничтожить их без жертв среди заложников невозможно. Поэтому, основной план штурма должен, по моему мнению, предусматривать выполнение требований террористов. Нужно подогнать к школе машину с деньгами. В этом случае они волей – неволей будут вынуждены собраться и прийти в движение. В любом случае, они в этот момент будут все на промежутке между классом и машиной. Целесообразно подождать пока один из террористов сядет в машину. После этого – штурм. Первая группа штурмует машину, второго террориста, находящегося на пути к ней уничтожает снайпер, остальные ликвидируют террористов в здании школы. В помощь нам будет то, что террористов будет только двое, они будут находиться не в закрытом помещении, причем мы примерно будем знать, где именно они находятся.

– План хороший, – задумчиво сказал агент Монро, он как наш куратор почти не вмешивался в технические детали штурма, зато утрясал вопросы с другими правоохранительными органами и руководством ФБР, за что я был ему искренне, по-человечески благодарен – только такой план Томпсон не утвердит.

– Почему?

– Видишь ли Эд... Томпсон – политический игрок. Что бы не происходило плохое – это должно происходить вне глаз публики. А в твоем плане я вижу два отрицательных момента. Первый – предоставление террористам денег и транспорта будет потом расценено прессой как частичная капитуляция перед террористами, даже если они в конечном итоге получают по паре пуль в голову. И второе – расстрел афроамериканцев под телекамерой белыми полицейскими может вызвать все что угодно, от иска в суд за чрезмерное применение силы, до массовых беспорядков афроамериканцев.

– Твою мать!!! – психанув, заорал я, хотя понимал, что Монро-то как раз ни в чем не виноват – а может нам вообще уехать по-тихому отсюда и пусть эти уроды расстреливают детей по одному? У одного террориста там пулемет – ты это видел?! Какое нах... чрезмерное применение силы, когда четыре урода с автоматическим оружием захватили целый класс детей! Может нам их за это в ж... поцеловать!?

– Ты не первый день живешь, Эд – философски пожал плечами Монро – а Томпсон рассчитывает на поддержку как белых избирателей, так и черных...

– Пусть тогда сам валит в этот класс и договаривается с террористами, б... – прорычал я уже уставая – тогда получается надо разрабатывать план штурма самого класса?

Монро кивнул.

– Тогда возвращаемся к первоначальному плану, твою мать... Основная штурмовая группа в составе восьми человек проникает в школу через спортзал, тихо чтобы не демаскироваться раньше времени. Следом идет еще одна группа – шестнадцать человек, восемь боевых пар. Их задача – начать тихую зачистку всей школы и поиск террористов, которые могут быть где угодно. Если террористы будут обнаружены за пределами класса – сразу стоп и сообщаете остальным. Еще четверо забираются на крыше и при начале штурма по веревкам спускаются и проникают в захваченный класс через окна. Сигнал к штурму – выстрел снайпера по единственному террористу, которого он видит в окно. После того, как класс будет захвачен, оптимальным считаю эвакуацию заложников по пожарным лестницам. Остальные – зачистка

школы с чердака до подвала. Гарри, пометь насчет пожарных лестниц. К началу штурма они должны быть в полной готовности, не менее двух.

Гарри кивнул, сделал пометку. Эвакуировать заложников по пожарным лестницам я решил потому, что подозревал, что один или несколько террористов могли быть вне класса и остаться в живых после штурма класса. А потерять заложников при выводе – полный непрофессионализм. И в классе, до полной зачистки школы их опасно оставлять. Нет, лестницы – оптимальный вариант.

– Вопросы?

– Как будем проникать в класс? – спросил Том, один из штурмовиков.

– Хороший вопрос... Гарри, дай изображение комнаты, где захвачены заложники.

На повернутом к нам мониторе ноутбука через пару секунд появился строительный чертеж. И он мне не понравился.

– Что это за класс?

Гарри отвернулся, переговорил с кем-то по рации. Снова повернулся к нам

– Кабинет химии, сэр...

Недаром мне не понравилась комната позади кабинета, которая соединяется с кабинетом дверью. Это, оказывается, лаборатория и помещения для хранения химических реактивов. Значит, при штурме может начаться пожар или произойти выброс опасных химических реактивов.

– Гарри, выясни, что там за реактивы, насколько они опасны, как можно защититься!

– Да, сэр – Гарри отъехал в сторону на своем офисном кресле на колесиках, начал кому-то звонить.

– Теперь самое главное. Как проникаем в класс? Дверь явно под прицелом.

– Может сделать путь проникновения через окна основным?

– Не пойдет – сказал я – свободно только одно окно, остальные прикрыты жалюзи. В этом случае быстро оказаться в классе и вести прицельный огонь сможет только один боец, остальным на проникновение потребуется более десяти секунд, что неприемлемо. Еще.

– Тогда остается только один путь – сказал наш подрывник Виктор – взрывать стену.

– Поясни?

– Смотрите! – Вик придвинулся ближе к монитору и стал показывать указкой – все внутренние перегородки в этом заведении сделаны из толстого, усиленного – но все же гипсокартона. Парты не стоят около стены здесь и здесь. Соответственно, за полчаса я могу сделать два конкура из взрывчатки минимальной мощности. При подрыве она вырежет в стене две идеальные двери, причем мгновенно.

– А осколки от стены?

– Да никаких осколков не будет – твердо сказал Виктор – это же не стена ДОТа. Это обычная легкая внутренняя перегородка, она и рухнет только под себя, причем мгновенно. В этом случае у нас будет фактор неожиданности – две, три секунды, но этого за глаза хватит.

– Уверен?

– Уверен – Виктор смотрел твердо, видимо, действительно уверен.

– Смотри... Значит, в этом случае врываемся в двух местах и сразу начинаем работать.

Вопросы?

– Состав и вооружение штурмовых групп?

– По четыре человека. Первые трое – берем штатные НК UMP под сорок пятый калибр – работать штурмовыми винтовками в переполненном детьми классе очень опасно. Стреляем только в голову – у них могут быть бронежилеты. У четвертого – НК 417 с коротким стволом – на случай если мы нарвемся на противника в бронежилете, и все пойдет наперекосяк. У той группы, которая пойдет сверху – основными являются пистолеты (мы все пользовались Кольтами калибра .45, у меня был роскошный Wilson Combat, подаренный отцом на день рождения,

а так штатным был Springfield Operator 2), но на всякий случай у каждого будет и НК UMP. У групп зачистки – бесшумные НК 416, там можно работать свободно, дети эвакуированы.

– Ну, что – сказал агент Монро, поднимаясь со стула – кажется, решили, теперь надо начальству доложить. Пошли на ковер...

...

У входа в центральный штаб (откуда, кстати, так не разогнали журналистов – Томпсон, пиарщик чертов) мы столкнулись с Мэри. Ухаживали за ней многие в ФБР, в том числе и я – почему же двадцатипятилетняя брюнетка с формами фотомодели выбрала в конечном итоге шестидесятидвухлетнего профессора Треверса, было загадкой для всех. Ладно, отвлекаюсь...

– Как дела?

– Как всегда прекрасно – Мэри одарила нас ослепительной улыбкой, которая ровным счетом ничего не значила...

...

Мэриан Томпсон сидел к нам спиной в кресле в позе «я очень, очень, очень большой босс» и разговаривал с кем-то по телефону. Мы же пару минут были вынуждены стоять и созерцать его затылок. Наконец, продемонстрировав нам свое могущество и свое неуважение, Мэриан Томпсон соизволил развернуться к нам лицом.

– Садитесь – недовольным голосом сказал он – а где, кстати, профессор Треверс? Он что, не считает нужным являться по вызову начальства?

– Профессор занят переговорами и прислал меня – медовым голосом заявила Мэри, положив ногу на ногу подобно героине Шерон Стоун в «Основном инстинкте». И сделала это напрасно – Томпсон никак не отреагировал. По управлению про него давно ходили недобрые слухи – например, что его фото следует рассматривать исключительно в голубом свете. Впрочем, могло стать так, что эти слухи были вызваны тем, что замдиректора Томпсона многие ненавидели и не упускали возможности позлословить насчет него.

– Хм... – после минутного раздумья сказал Томпсон, так видимо и не придумав, что ответить на это – ладно, допустим. Агент де Вет, докладывайте.

...

Господи, дай мне терпения...

...

– План штурма разработан, сэр. Согласно этому плану мы пойдем на то, чтобы удовлетворить требования террористов – лицо Томпсона после того, как я это произнес, скривилось так, как будто я предложил ему съесть таракана или крысу – то есть дадим им машину – микроавтобус и тридцать миллионов долларов. Деньги наличными займут много места – и это хорошо, тем меньше заложников они возьмут с собой. В этом случае, они оставят часть детей в классе – то есть им спасение гарантировано – обратную дорогу в класс мы сразу перекроем наглухо. Взяв с собой часть заложников, по моему мнению, не более пятнадцати – они двинутся к машине. Выходить они будут по одному. Штурм следует начать, когда первый террорист сядет в машину, а второй пойдет к ней. В этот момент, первая группа штурмует микроавтобус и ликвидирует первого террориста, второго ликвидирует снайпер, штурмовая группа, которая к тому времени будет находиться в здании школы, ликвидирует или захватит оставшихся террористов. В этом плане, даже при самом худшем раскладе пострадают не более двадцати процентов заложников, оставшиеся восемьдесят процентов спасены гарантированно.

– Не пойдет – скривившись, сказал Томпсон – дерьмовый план. Террористов на улицу выпускать нельзя ни в коем случае.

– Почему?

– А если они откроют огонь во все стороны? Кто за это будет отвечать?

– Огонь во все стороны они не откроют. Все обитатели близлежащих зданий эвакуированы, на фасад сориентированы две снайперские группы. При необходимости они положат террористов за секунду, максимум две.

– Все равно не пойдет. Приказываю подготовить штурм школы, террористов из школы не выпускать. И ... продумайте меры, как можно освободить заложников, с причинением минимального вреда не только заложникам, но и террористам.

Агент Монро незаметно, но сильно сжал мою руку...

– Да, сэр! – сказал он – новый план штурма мы подготовим через два часа. Разрешите идти?

– Свободны – тоном раздраженного поступками своих вассалов дворянина, сказал Томпсон – новый план жду через два часа.

...

– А не пошел бы он на ...!!! – сказал раздраженно я, едва мы отошли от штабной машины на минимально безопасное расстояние. – Командир, б... нашелся! Руководитель, ... его мать!!!

– Расслабься, – спокойным тоном сказал Монро. – Когда тебя имеет начальство, нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Офисная Камасутра, не слыхал? Когда-нибудь и ты станешь начальником – и тогда уж отыграешься за свои унижения по полной программе. На следующий доклад пойду я один – когда ты со своей группой уже будешь внутри школы.

– Не ну что за хрень то такая – уже значительно более спокойным тоном сказал я – ты слышал, что этот жирный козлина сморозил. «Минимального вреда террористам», нет, ты слышал, а?! Может быть, он сам пойдет и подставит свою жирную задницу под пулеметный огонь. Он что, совсем идиот?

– Он политик...

Задний двор школы. Час спустя

– Вик, ты долго там еще? Что за хрень, я скоро здесь корни пушу! – раздраженно сказал я, глядя на часы. Наш подрывник, Виктор Козецки уже минут пять ковырялся с решеткой, закрывающей окно в спортзал. В руке у него была компактная газовая горелка, вес которой вместе с баллоном составлял всего три килограмма.

– Сейчас, сэр... Тут решетки как в тюрьме...

– А это место от тюрьмы немногим отличается – хихикнул кто-то сзади, смешки моментально стихли, как только я оглянулся назад. Во время специальной операции не до шуток.

...

Да уж, наша бедная школа... За последнее время школа в США превратилась в некое подобие исправительной колонии для подростков, где не учат, а просто держат детей в течение дня, чтобы они не шлялись по улицам и не наделали дел. В типичной американской школе есть вооруженный охранник, часто решетки на окнах, металлоискатель на входе, внезапные обыски шкафчиков на предмет наркотиков. В 14-15 лет девочки начинают отправляться в роддома, а мальчики – на нарды. Конечно, есть и другие школы – но их, к сожалению не большинство.

Решетка тихо брякнула, Виктор моментально подхватил ее, не давая грохнуться вниз. Снизу моментально протянулись несколько рук, подхватывая решетку, чтобы аккуратно поставить ее у стены.

– Пошли!

Держа наготове пистолет, я первым скользнул в открытое окно спортивного зала, закрепил веревку и первым соскользнул по ней вниз, не прекращая настороженно оглядываться по сторонам. Оказавшись внизу, отступил влево, присел на колено, засунул пистолет в кобуру и отработанным движением привел в боевое положение НК UMP с глушителем, лазерным и лучевым прицелом. Красный зайчик лазерного прицела побежал по выкрашенной в желтый цвет сложенной трибуне у противоположной стены²³. Почти бесшумно, с веревки соскользнул второй спецназовец. Занял позицию справа. Когда по веревке начал спускаться третий боец, я, держа автомат наизготовку, пробежал по залу и занял позицию у входной двери в спортзал. По веревке, в полной тишине продолжали спускаться все новые и новые бойцы, разбегаясь в стороны и беря под контроль зал. Штурмовая восьмерка построилась у двери: трое за моей спиной, четверо с противоположной стороны.

– Проверь!

Томас, штурмовик стоящий первым в колонне напротив меня, сунул под дверь гибкую трубку волоконно-оптического световода, замер, вглядываясь в экран.

– Чисто!

– Вик, открывай!

Виктор достал инструмент (мы пользовались набором отмычек, любезно предоставленным нам ЦРУ и обычным карманным инструментом Leatherman) склонился к замку. Раздалось похрустывание...

– Готово!

– Всем молчание! Команды подаю рукой! Вперед! (последнюю команду я подал рукой – очертив в воздухе круг и указав вперед)

Дверь открылась почти бесшумно и мы, один за другим просочились в коридор. Освещен он был плохо тускло, в воздухе казалось, даже пахло опасностью. Длинный коридор, по обеим его стенам – бойцы спецназа в черной униформе без знаков различия, в масках и штурмовых

титановых шлемах, похожие на боевых роботов. Плавно, ухитряясь идти как можно ближе к стене, но, не касаясь ее они идут вперед. Автоматные стволы нацелены «вперекрест» – те, кто идут слева контролируют правую сторону, те кто идет справа – левую. Останавливаемся у поворота.

– Проверь! (указать пальцем на бойца со световодом, затем приложить палец к глазу).

– Чисто! (большой палец правой руки вверх, как на состязаниях древнеримских гладиаторов).

– Вперед!

Поворот левый, первый боец слева контролирует, бойцы правой колонны втягиваются в поворот, встают у правой стены. Дальше идут бойцы левой колонны. Затягивать нельзя, в спину нам дышат бойцы отряда зачистки, им надо чистить школу. Идем дальше.

Лестница.

– Проверь!

– Чисто!

– Вперед!

Втягиваемся на лестницу, продвигаясь вверх, каждый берет на себя свой маленький сектор огня. Кто бы ни был впереди – туда уже нацелен автомат если не одного, так другого бойца.

– Проверь!

– Чисто!

– Вперед!

Пролет за пролетом, третий этаж.

– Проверь!

– Чисто!

– Вперед!

И только появившись на третьем этаже мы сталкиваемся с уродом, выходящим из туалета и на ходу подтягивающим штаны. Он тупо тарашится на нас, Узи висит на плече, на ремне.

Сразу восемь разрывных (у нас нет ограничений по типу пуль, в отличие от армии – что хотим то и используем) пуль с двух автоматов почти одновременно ударяют негра в грудь и в голову, огромная туша, издав какой-то булькающий звук, начинает заваливаться набок. Бросаюсь вперед, подхватываю убитого, осторожно опускаю, чтобы шумом падения он не предупредил остальных. Что-то горячее попадает мне на руки. Затылка у террориста нет вообще, разрывные пули снесли его начисто, секунда – и вся площадка перед туалетом забрызгана кровью и мозговым веществом. Неподготовленному человеку от этого станет дурно – но нас готовили. Каждый из нас прошел практику на ближайшей к Квонтико бойне – чтобы не бояться убивать. Голыми руками если потребуется.

– Быстро вперед! – группа ускоряется, до класса с заложниками еще метров пятьдесят, я на ходу связываюсь со снайперами.

– Глаз один, огонь на поражение по готовности. Докладывать каждые пять секунд!

Время бежит быстро, до того, как у оставшихся в классе террористов возникнут вопросы, осталось минута, максимум две. Дальше террористы задумаются – почему не возвращается их сообщник, отошедший прогадиться.

Цель. Группа занимает позиции, Вик быстро наклеивает на стену тончайшие полоски пластиковой взрывчатки. Штурмовики опускают забрала шлемов из бронированного стекла, берут на изготовку автоматы.

– Готов! – Виктор отскакивает от стены.

– Глаз один, разрешаю открыть огонь!

– Через несколько секунд в рации раздается резкий хлопок.

– Давай!

Стена буквально взрывается, яркая вспышка перед глазами, пыль застилает маленький холл в считанные доли секунды. Бросаюсь вперед, сердце колотится со страшной силой, разгоняя по телу выбрасываемый в кровь адреналин. Части стены передо мной не стало, вместо нее неровное большое отверстие, а за ним – пыль, какие-то силуэты. Шаг за шагом, перед глазами все плывет как будто в замедленном кино. Вот я оказываюсь в классе. Вот черная тень в середине класса наводит на меня дуло дробовика, он кажется огромным как железнодорожный тоннель. Вот в брызгах стекол в класс влетают штурмовики. Вот кто-то из детей бросается на пол – молодец! Вот автомат привычно отдает в плечо и вместо одного глаза у террориста появляется зияющая красным дыра. Вот террорист падает, но не назад – а вперед на детей – проникший через окно штурмовик за секунду всаживает террористу три пули в спину. Вот одна из девочек бросается из-за парты – и тут же ее сбивают на пол сильным ударом приклада. Вот в проходе между партами лежит здоровенная туша, вместо головы у нее какой-то обрубок – Ник постарался. Вот какая-то девочка – негритянка, лицо которой все забрызгано кровью и мозгами террориста раскачивается и воет на одной высокой, жуткой ноте. Вот какой-то пацан лет пятнадцати пытается встать и, получив пенделя от стоящего ближе всего бойца, падает обратно на место.

Где четвертый!?

– Сдаюсь! – доносится откуда то снизу.

Сука... Умный, черт. Кажется, Пай захотел жить – АК-47 лежит в трех шагах от него, сам он лежит на полу, заложив руки на голову. Опытный, сука, и пожить хочет – повода для применения оружия нет. Сволочь!

– Берем его!

Двое бойцов застегивают на руках Пая белую ленту пластиковых наручников, сильным пинком поднимают его с пола.

– Тащите его отсюда! Том, проводи!

– Есть – трое, двое из которых тащат террориста, а третий страхует сзади направляются на выход.

– Чисто, отставить пожарных. Готовим заложников к выходу! Создать коридор!

Это значит – на всем пути движения заложников рядом, в каждом углу будут бойцы спецназа с оружием наизготовку. Мало ли что может получиться – только когда заложники окажутся в руках врачей можно говорить о том, что они спасены.

Бах!

...

Твою мать!!!

– Всем оставаться на местах! – пинком вышибаю запертую дверь класса, выбегаю в коридор. Трое моих спецов стоят у распростертого тела четвертого террориста. Том засовывает в кобуру пистолет, голова снесена выстрелом почти в упор, около распростертого на полу тела уже наплывает огромная лужа темно-бордовой крови.

– Вы что, охерели в атаке!!!?

– Он пытался бежать, сэр!

Наручников на труп уже нет...

– Заложников выводим через пожарную лестницу! – рявкнул я в микрофон. Рванул гарнитуру микрофона на себя, оторвал, бросил в сторону – все переговоры пишут.

– Пойдем-ка! – схватив Тома я оттащил его за угол, как следует встряхнул за грудки – ты что, совсем охерел в атаке? Мозги заклинило? Ты что творишь?

Том молча смотрел себе под ноги.

– Что за хрен? Что произошло? Отвечай, твою мать!

– Сэр, эти дети... У меня дочь такого же возраста. А эта черная мразь...

...

Ну и что мне теперь делать?

...

– Короче так, Том – спокойно сказал я, отпустив его и отступив на шаг – мы все здесь взрослые люди. Мы не в игрушки играемся. И мозги мне е..ать не надо! Сейчас мы все напишем рапорты о том, что этот урод действительно вырвался на свободу и у тебя не было другого выхода. Скажи, это еще раз повторится?

– Нет сэр – на Тома было страшно смотреть – я сам не знаю что на меня нашло... Какое то помутнение перед глазами, я даже не помню как достал пистолет...

– Ты сказал! Ты мужик и я тебе верю. Если ты почувствуешь, что больше так не можешь – напиши рапорт на перевод в другой отдел. Я дам тебе самую лучшую рекомендацию, учитывая твой опыт тебя возьмет любой отдел – с руками оторвут. Но если это еще раз повторится – я тебе устрою несчастный случай на учениях. Бешеных собак пристреливают, ты это знаешь, Том. И я не шучу – ты это тоже знаешь. Итак, подумай и скажи: ты с нами?

– С вами, сэр. Обещаю, все будет нормально!

– Сэр! – к нам подбежал Вик Козецки – Террористы забрали с собой одну из заложниц и куда-то увели. Несколько часов назад!

...

Туалет! ТВОЮ МАТЬ!!!

...

Когда мы втроем с оружием на изготовку ворвались в туалет, около которого лежал изрешеченный пулями террорист – меня ... меня затрясло так, что я выронил из рук автомат. Никогда, даже когда на моих глазах террорист застрелил заложника в прошлом году, я не чувствовал себя хуже. На грязном заплыванном кафельном полу у стены лежала девочка лет пятнадцати – красивая, похожая на фею блондинка. Она не шевелилась и смотрела куда то своими потрясающе красивыми фиолетовыми глазами, смотрела вдаль остановившимся, полным ужаса взглядом. Одежда на ней была разорвана в клочья, она не шевелилась.

– Господи... – потрясенно прошептал кто-то позади меня.

Почти ничего не видя перед собой, только это истерзанное, лежащее на холодном кафеле, детское тело я подхватил ее на руки и понес к машине скорой помощи.

...

Мой снимок, снимок бойца спецназа ФБР в черной штурмовой униформе и со спасенной девочкой на руках, обошел потом все газеты думаю, Мэрион Томпсон скрипел зубами от злости. Но мне было все равно. Я просто шел вперед, и у меня была только одна задача: донести ее до машины скорой помощи. Почти ничего не видя перед собой, я спустился со ступенек – тут на меня налетели врачи, осторожно уложили девочку на каталку.

– Все в порядке, сэр, теперь мы ею займемся... С вами все в порядке?

Со мной не все было в порядке. Монро потом рассказывал, что он просто отшатнулся от меня, когда подошел ближе – он просто меня не узнал.... Я отошел в сторону на два шага.

– Синтия! Синтия!

Где-то сбоку раздался дикий крик, высокий, почти баскетбольного роста мужчина все-таки прорвался через оцепление, подбежал к каталке, на которую укладывали его дочь. Дорогу ему преградили трое агентов.

– Стойте, сэр! Сюда нельзя! Вашу дочь отвезут в больницу, сейчас ей нужно в больницу!

– Сволочи! Сволочи! Суки! – кажется, все-таки он увидел, увидел то, что было видеть отцу нельзя. С диким взглядом обернувшись, он схватил меня за грудки, встряхнул как куклу.

– Где они!! Где эти твари!!! – мужчина кричал мне прямо в лицо.

– В морге. Их кровь у меня на руках – четко сказал я

– Спасибо... – мужчина разом обмяк, отпустил меня, плюхнулся на ступеньки школы. И беззвучно, а оттого еще более страшно, зарыдал.

– Пойдем-ка! – Вик Козецки, держа в руках два автомата – свой и мой подошел ко мне, взял за плечо и увлек к фургону.

...

На ступеньке фургона сидел Том, отхлебывая что-то из большой армейской фляжки. Я присел рядом, Вик и Гарри, еще один штурмовик, тот самый кто узнал про исчезновение одной из заложниц остались стоять рядом.

– Дай и мне... – я протянул руку

– Ты же не употребляешь? – изумленно сказал Том

– А тебе жалко, что ли?

– Да нет... – Том протянул мне фляжку, я хлебнул содержащуюся там жидкость, не чувствуя ни вкуса ни запаха ни крепости. Спиртное огненным шаром провалилось в пищевод, обжигая стенки желудка.

– Они ее изнасиловали. Все вместе... – тихим, дрожащим от ужаса и ненависти голосом сказал Гарри, пытаясь непослушными, трясущимися руками поднести зажигалку к сигарете – они отвели ее в туалет и несколько часов по очереди выходили туда и насиловали... Это даже не звери...

...

Единственное о чем я тогда жалел – так это о том, что все четверо террористов умерли мгновенно. Для них следовало бы придумать такую казнь, которая продолжалась бы целую неделю.

...

– А знаешь, Том – сказал я твердо – прости меня. Ты знаешь, за что. Прости и забудь все, что я тебе сказал. Я был неправ.

Том только отмахнулся и снова приложился к фляжке...

...

Откуда-то сбоку, я не заметил, откуда появился агент Монро.

– Вот вы где ошиваетесь. Эд, отойдем на минутку...

Идя следом за агентом Монро, я уже настроился врать и был готов к любой головомойке. Вообще, о том, что произошло, знали только мы, те кто был в этот момент в здании. Если всем тупо придерживаться одной и той же версии, тупо долбить одно и то же как дятлы – ничего они на нас не накопают. Вот так вот.

Но я даже предположить не мог, о чем хочет поговорить со мной агент Монро.

– Слушай, Эд – Монро выглядел смущенно, явно подбирая слова – ты извини. Информация пришла за пять минут до штурма, я не хотел тебя отвлекать...

– Что случилось?

– Кажется, твой дед умер... Тебе надо возвращаться в Квонтико и оттуда домой. Твой отец уже летит туда.

...

Господи... Да что же за день сегодня такой...

...

– Ты извини что я не сказал сразу... Это выбило бы тебя из колеи, пойми... Возьми один из наших вертолетов, пилота я уже предупредил. Прости, Эд...

– Спасибо, Картер – промолвил я, оглушенный новым ударом.

...

Мой дед, Дэвид де Вет был прямым потомком Христиана де Вета, того самого который на рубеже двадцатого века возглавил сопротивление буров англичанам в ходе второй англо-бурской войны. Родился дед в состоятельной семье, владел землями в Южной Родезии, воевал (все белые в Родезии тогда воевали). Когда пала Родезия – он ухитрился вывести из страны большую часть капитала и перебрался в ЮАР, где тоже приобрел скот, стада и стал влиятель-

ным теневым игроком в местной политике. Ходили слухи, что у него очень тесные взаимоотношения с влакпаас²⁴ и поэтому его бизнес так успешен. Но была в этом, конечно и заслуга самого деда.

В девяносто четвертом, дед перебрался в Швейцарию. И опять-таки не с пустыми руками. Никто точно не знал, сколько у него денег, но денег было очень и очень немало. Последние годы дед жил в Швейцарии и опять занимался какими-то тайными делами. Его сына, брата моего отца Роджера убили в девяносто пятом в ЮАР, во время межплеменных столкновений, его внук и мой двоюродный брат Николас остался в ЮАР и, несмотря на все сложности, жил там. Он имел несколько охотничьих концессий по всей Африке, организовывал сафари и имел еще какие-то дела, точно не знаю какие. Последний раз мы виделись пять лет назад, девушка которая пришла на вечеринку со мной, ушла в конечном итоге с Ником. Надеюсь, пару новых зубов он себе вставил. Ник служил в армии – но слабоват он оказался против бывшего морского пехотинца США.

Отношения между южноафриканской и американской ветвью клана де Ветов всегда были плохими. Отец не мог терпеть ни деда, ни своего родного брата. Я не мог терпеть своего двоюродного брата. Дед ненавидел отца, но почему-то любил меня, своего внука. Я тоже хорошо к деду относился, хотя и виделись мы редко. Вот так вот.

...

– Иди давай! – Картер настойчиво подталкивал меня к вертолету – пилот уже ждет. А то еще не дай Бог, Томпсон увидит, устроит бучу, что ты вертолет бюро используешь в личных целях. Вон будет... Давай быстрее...

США. Пригород Вашингтона. 11 мая 2...9 года

Опа... Кажется, батя первым успел...

Черный ФБРовский «Хью» нырнул вниз и почти сразу густой сосновый лес под нами сменился серым бетоном посадочной площадки. На самом краю площадки стоял серый пятидверный новенький «Шевроле Тахо», а около него прохаживался здоровый, похожий на медведя мужчина, затянутый в камуфляж. Даже с высоты я мгновенно узнал отца...

Лопасты винта вертолета еще не успели остановиться, как отец, нарушая все правила техники безопасности оказался у бортового люка.

– Знаешь?

Я кивнул. Молча, без лишних слов обнялись. Через полминуты отец отстранился, критически посмотрел на меня.

– Да... Краше в гроб кладут. Где это ты так?

– Знаешь же...

– Знаю.

Оба в армии, верней один в армии другой в спецслужбе, но суть от этого не меняется. Два мужика. Один помоложе, другой постарше. Оба в боевой униформе. И у каждого свои секреты и своя боль, которую он хранит далеко-далеко, в глубине сердца...

– Поехали что ли?

– Поехали.

...

Проскочили до дома на удивление быстро. Обычно в это время дороги забиты теми, кто едет из Вашингтона, но отец подключил полный привод и объехал пробки по сельским дорогам. Так что в траффике²⁵ мы совсем не стояли.

...

– Будешь? – отец смешивал себе «Хайболл» в большом бокале.²⁶

– Нет, – я отрицательно покачал головой, хлебнул сдуру из фляжки, да натошак – теперь мне было хреново и в теле и на душе.

– Ну, смотри, – отец критически осмотрел бокал с напитком, удовлетворенно кивнул и сделал большой глоток. Довольно кивнул.

– Слушай, Эдриан, – отец всегда называл меня полным именем, – я так подумал, пока летел. Будет лучше, если в Цюрих полетишь ты.

– А ты?

– А я... Знаешь, у меня всегда плохие отношения с отцом были. Неважно, что я сейчас чувствую – просто если я поеду это как ... лицемерие, в общем будет. Нехорошо.

– Да какое к черту лицемерие? Что, сын на похороны отца приехать не может?!

– Не спорь – когда отец упрется рогом, переубеждать бесполезно. Меня впрочем, тоже – поедешь только ты и точка.

...

Ну и поеду.

---

²⁵ Траффик – в США так называются пробки – прим. автора.

²⁶ Марка коктейля – прим. автора.

Швейцарская конфедерация. Цюрих, Нарциссштрассе, 28. 15 мая 2...9 года

– Приехали, сэр!

Водитель такси, в роли которого выступал аж Мерседес S-класса²⁷, повернулся по мне. Видимо он принял меня за богатого американского туриста.

– Thanks, – я протянул ему пару купюр, – сдачи не надо.

– О, спасибо, сэр. Нотариус Гешнер принимает вон в том доме. Удачи, сэр.

Да уж, удача мне сейчас явно не помешает.

...

Маленький, старинный двухэтажный дом. Построен, наверное, лет этак триста назад, но выглядит и сейчас как новенький. Наверняка это во мне комплекс американца перед историей проснулся: у нас все чему больше ста лет исторической достопримечательностью считается. А в Европе и пятисотлетнее здание можно встретить.

Узкая улочка, которую каждый день моют с мылом. Старинная дубовая дверь с укрепленным на ней бронзовым колокольчиком. Узкая неудобная лестница. Новая дубовая дверь на втором этаже, с потемневшей от времени бронзовой табличкой «М. Гешнер. Нотариус. Цюрих».

...

– Привет, Ник...

Господи... На оглашение завещания дедушки этот идиот, мой двоюродный братец Ник, оделся как на молодежную вечеринку. Придурок. Совсем мозгов нет. Мало того – еще и б.... какую то притащил. Высокая, примерно метр восемьдесят, девушка с роскошными формами фотомодели, темные волосы уложены в прическу «каре», похожа на итальянку.

– Привет, Эдриан, – ехидно ухмыльнулся Ник – как дела, как поживаешь? Как Дженна?

Дженна – моя бывшая невеста, та самая, которая пришла в ресторан со мной, а ушла с Ником.

– Больше года не видел. А как твои зубы поживают? Не жмут? Лишних нет?

– Не жалуюсь...

– Ну, смотри. А то знаешь к кому обратиться, если что...

– Да хоть каждый день... – телка, которая была с Ником, крепко сжала его руку, и он замолчал.

...

– Господа, прошу в мой кабинет – невысокий, лысый пожилой человек, видимо сам нотариус Гешнер появился из двери кабинета.

Кабинет был небольшим, уютным, в нем пахло чернилами и старыми бумагами. Небольшой стол, на котором лежал толстый конверт, лампа с красным абажуром. На стене – штурвал из черного от старости дерева, видимо от старинного парусника.

– Итак, господа – нотариус с серьезным видом уселся за стол – прежде всего формальности. Я имею честь здесь принимать Николаса де Вета, бизнесмена и гражданина ЮАР и Эдриана де Вета, офицера правоохранительных органов и гражданина США?

Мы синхронно кивнули.

– Могу я увидеть ваши удостоверения личности, господа?

Нотариус тщательно просмотрел паспорт Ника и мое служебное удостоверение ФБР, даже сверил наши личности с фотографиями, вернул документы.

– Прошу прощения, господа, но сами понимаете... Закон есть закон.

Мы снова кивнули с важным видом.

– Итак, сегодня, 2 июля 2...9 года я, нотариус кантона Цюрих Матиас Гешнер, в присутствии Николаса де Вета, бизнесмена и гражданина ЮАР и Эдриана де Вета, офицера правоохранительных органов и гражданина США вскрываю опечатанный конверт с завещанием покойного господина Дэвида де Вета, гражданина Швейцарской Конфедерации. Прежде всего, господа, прошу убедиться в том, что печати на конверте не вскрыты.

Нотариус положил толстый конверт на край стола печатями вверх, мы его осмотрели и в третий раз с важным видом кивнули. Нотариус забрал конверт, с треском сломал сургучные печати. Достал из конверта два листа бумаги и еще один толстый запечатанный пакет.

– Итак, господа, завещание господина Дэвида де Вета, совершено и подписано в присутствии нотариуса кантона Цюрих Матиаса Гешнера пятнадцатого ноября 2005 года. «... На сегодняшний день из моих близких родственников у меня остался лишь один сын и два внука. Один из внуков – офицер правоохранительных органов США, второй бизнесмен из Южной Африки. Но и тот и другой не грешат излишним благоразумием. Поэтому я создал и завещаю каждому из моих внуков по трастовому фонду, находящемуся в управлении банка UBS, Швейцария. В каждом из этих фондов находится по пятьдесят миллионов долларов США. Текущая доходность от управления данными фондами, за вычетом справедливого вознаграждения управляющего будет ежемесячно перечисляться каждому из моих внуков на его текущий банковский счет, доступа к основной сумме фонда они не получают никогда. Также они вправе завещать данный фонд своим детям и внукам, законным или незаконнорожденным, а те вправе завещать эти деньги дальше.»

...

Ни хрена себе!

...

Поправив очки, нотариус продолжил:

– «Что же касается прочего моего имущества, а именно дома в Лугано, квартир в Цюрихе, Женеве, Париже, Лондоне и Нью-Йорке, отеля на Лазурном берегу Франции, а также всех денег, которые к моменту моей смерти обнаружатся на текущем счете – все это я завещаю моему сыну, полковнику американской армии Джонатану де Вету.»

...

Если честно, то я о... в общем сильно удивился. Вообще-то, мы знали, что дед богат, но того, что его состояние сильно превышает сто миллионов долларов – такого не мог предполагать никто. Краем глаза взглянув на Николаса, я заметил что он удивлен не меньше моего. Откуда же у деда такие деньги?

– Герр Эдриан, – сказал нотариус.

– Да?

– К моменту смерти вашего деда на текущем счете в UBS находилось примерно десять с половиной миллионов долларов США – нотариус пододвинул ко мне банковскую выписку. – Я могу надеяться на то, что Вы передадите это своему отцу?

– Передам, – я взял выписку.

– И это еще не все! – сказал нотариус, взял конверт и еще один листок – Есть еще одно, отдельное завещание. «... также завещаю этот конверт, со всеми находящимися в нем документами моему внуку, Эдриану де Вету. Пусть вскроет конверт тогда, когда рядом с ним никого не будет, прочитает бумаги, там находящиеся, а потом поступает так, как подскажет ему его совесть.»

Тот же день. ОТЕЛЬ «ПАРК ИНН»

Смех и грех, но после визита к нотариусу выяснилось, что у меня и у Ника – один и тот же отель, просто Ник жил на два этажа ниже. Но к отелю, мы поехали, конечно же, на разных такси...

Пройдя по оформленному в светло-сером цвете коридору отеля, я вставил карточку (идиотизм, блин. Ключи всегда были удобнее) в щель рядом с дверью. Через долю секунды дверь с мелодичным звонком открылась.

Конечно, я был голоден, да и душ не мешало бы принять. Но больше голода, меня донимало любопытство. Что же за конверт оставил мне дед? Поэтому я бросил папку с документами на кровать, открыл ее и вытащил загадочный конверт. Конверт, как конверт, из плотной манильской бумаги желтоватого цвета. Запечатан двумя печатями из коричневого сургуча, к сургучу было приложено что-то типа перстня. Помедлив несколько секунд, я решительно сломал печати и открыл конверт.

В конверте была толстенная засаленная старая тетрадь и отдельно листок дорогой плотной бумаги кремового цвета. Решив, что тетрадь толстая и ее я прочитаю потом, я отложил тетрадь в сторону и взял в руки отдельный листок, исписанный дорогими чернилами фиолетового цвета, какими обычно пользовался дед. Почерк без сомнения тоже принадлежал деду. Начал читать – и почувствовал, что помимо моей воли волосы встают дыбом на моей голове...

...

Дорогой Эдриан.

Если ты это читаешь, значит, меня уже нет на этой земле. И дело моей жизни не завершено. Я не могу заставлять, но я от всей души надеюсь, что ты стал жителем свободной страны, истинным американцем, в душе которого не угасает стремление к добру и справедливости. Именно поэтому я завещал тебе этот конверт.

Ты никогда не был ни в Родезии, ни в Южно-Африканской Республике. Все что ты знаешь об этих странах ты, наверное, узнал из телепередач и газет. Знай, что это ложь. Господь наш наказал меня – я потерял свою родину, Родезию, а потом был вынужден бежать и из Южной Африки. На старости лет я стал изгнанником, человеком у которого нет места на земле, которое бы он мог назвать своим родным домом. Я потерял свою родину – но я надеюсь, что ты сможешь ее возродить.

Знай же, что летом одна тысяча девятьсот девяносто третьего года, мы подняли самолет C130 с одной из баз ВВС ЮАР. Мы сделали это тогда, когда поняли, что последнее государство белых в Африке, наш последний бастион – обречено. Мы – это те люди, которые не захотели отдавать богатства, накопленные десятилетиями упорной работы в руки чернокожих дикарей. Мы не смогли спасти страну – но мы, по крайней мере, сделали все, чтобы вы начинали возрождение не с чистого листа. На борту этого самолета находилось десять тонн высокопробного золота в слитках, а также необработанные алмазы, которые по сегодняшним ценам стоят не менее десяти миллиардов долларов США. Место посадки самолета знаю один я.

Все эти богатства принадлежат истинным хозяевам Южно-африканской республики. Они принадлежат потомкам тех, кто много веков назад высаживался с кораблей на пустынные берега и десятилетиями возделывал эту землю. Ты же вправе распорядиться всем этим так, как подскажет тебе твоя совесть. Показывать ли это письмо твоему двоюродному брату – решай сам, но без него самолет найти будет сложно.

Оставить тебе точные координаты места, где мы спрятали самолет, я не могу – знай только, что я принял все меры к тому, чтобы этот самолет не нашли. Это письмо

вполне может попасть и в недобрые руки. Но я оставил несколько подсказок, которые помогут тебе его найти. Спроси у отца, где он прятался, когда я хотел его выпороть.

Не держи на меня зла. Твой дед

Дэвид де Вет

...

Не знаю, сколько я лежал в оцепенении и не слышал стука в дверь. До меня дошло, что стучат только тогда, когда кто-то саданул со всей силы по двери ногой. Спрятав письмо под одеяло, я пошел открывать.

– Мир, братишка? – на пороге, лыбясь на тридцать два зуба, стоял Ник, держа в руках бутылку дорогого французского шампанского «Боллинджер» – я так подумал, что делить нам нечего, а то, что мы в одночасье стали миллионерами, отметить стоит. Как думаешь?

...

Ну, что тут делать? Родная кровь, как никак.

...

– Заходи, – я отступил в сторону, – только имей в виду. Будешь выступать – получишь!

– Аналогично, братишка, – Ник прошел в номер, расположился у журнального столика. – У тебя бокалы для шампанского тут есть?

– Внизу, – я показал на мини-бар. – Имей в виду, я особо не употребляю.

– Ах да... – ехидно ухмыльнулся Ник. – Ты же у нас Эд-девственник...

– Давно не получал по мордасам? – нахмурившись, двинулся на него я.

– Мир! – Ник, улыбаясь шутливо поднял руки – Мир, дружба, жвачка... У нас перемирие, ты забыл?

– Тогда держи язык за зубами! Иначе и в самом деле получишь по морде лица. Шутник...

– О,кей – Ник обезоруживающе улыбнулся, разлил шампанское в бокалы, поднял свой – ты, кстати, не расскажешь мне, чего такого оставил тебе дедушка, о чем нельзя никому рассказывать?

...

Примерно минуту я думал, вертя в руках бокал с шампанским. Доверять Нику... он, конечно, раздолбай еще тот, но это единственный родной мне человек во всем мире, не считая отца. Кому еще довериться в таком деле, если не брату. Да, минуту назад я ему морду хотел набить – но это же брат мне. Да и Африку он на самом деле хорошо знает... Надо решать.

– Знаешь... – я прошел к кровати и вытащил из-под покрывала письмо деда – я и сам не знаю, правда это или нет. Читай сам.

По мере того, как Ник читал письмо, на его лице изумление сменялось недоверием. Наконец, он отложил бумагу в сторону.

– Ну, старый, ну дал твой дед... Ах, мать его... – заявил он, глотнув из своего бокала.

– Слушай, – вспыхнул я, – между прочим, он такой мой дед, как и твой! Я понимаю, что ты свинья еще та, но разговаривать про деда в таком тоне я тебе не позволю! Он подарил тебе пятьдесят лимонов, забыл!?

– Прости – на сей раз Ник был серьезен – я действительно перегнул палку. Ты прав. Но согласись, вся эта история пахнет старческим маразмом. Или дурацким розыгрышем. Пойди туда не знаю куда, найди то, не знаю что.

– Не согласен – сказал я – насколько мне известно, дед, конечно, был еще тем... деятелем, но вот маразматиком он не был никогда. И если это розыгрыш – какой в нем смысл?

– Видимого смысла нет, согласен, – сказал Ник, – тут ты тоже прав – и что мы теперь будем делать?

– А что ты предлагаешь?

Ник задумался.

– Честно говоря, не знаю что и сказать, братишка... С одной стороны – опасное это дело. Опасное и мутное. С другой стороны – а если и на самом деле в Африке где-то стоит самолет, забитый золотом и бриллиантами? Ты представляешь, какие это деньги?

– Представляю, – сказал я, – и что мы с ними будем делать?

– Сначала их надо найти, брат – задумчиво сказал Ник – сначала их надо найти...

Через несколько часов

Двигатели «Боинга-747» компании «Свиссэйр» приглушенно гудели, самолет уже набрал высоту одиннадцать тысяч метров и теперь летел над Атлантикой, с каждой минутой все больше и больше приближая меня к дому, к Вашингтону. Я сидел, развалившись в удобном кресле бизнес-класса (тратить деньги на первый класс я смысла не видел, летишь то с одинаковой скоростью, что в бизнес, что в первом), пытался заснуть – но сон не приходил. Из головы не шло то письмо деда. Как же он жил? Внезапно я себя поймал на мысли, что совсем не знал деда. Человек, потерявший безвозвратно страну, в которой родился и вырос, потерявший свою родину. Человек, ставший изгоем. То, что он написал – правда ли это? И если это правда – где искать самолет-призрак?

Не спалось. Достав из сумки, которую я держал всегда при себе пакет, я вытащил толстую засаленную тетрадь в черной кожаной обложке. И открыл ее...

Картинки из прошлого. Северный Матабелелэнд, район Истнор. 1972 год.

– Купил?

Невысокий крепкий средних лет мужчина, просто и скромно одетый, с мозолистыми крестьянскими руками смотрел на стоящего перед ним человека, выше ростом, одетого в щегольской черный итальянский костюм, лет двадцати пяти на вид.

– Не купил – с досадой ответил тот – Смэтсы ставку перебили. Сволочи...

– Эх, Джон... – со вздохом сказал старик, которого звали Дэвид де Вет, сколько я тебя учу, а толку... Заранее бы подошел к Шульцам, договорился бы с ними, сказал бы что участок напополам поделим. Им тоже Смэтсы много раз дорогу переходили. И вместе бы договорились против Смэтсов. А теперь что?

...

– Ладно... Иди отбери быков на субботнюю ярмарку на продажу. Двести голов продадим...

...

Джон де Вет, младший сын Дэйва де Вета, известного землевладельца и скотовода, владельца нескольких десятков тысяч гектаров пастбищ и несметных стад скота вышел из кабинета своего отца на фамильной ферме «Кинг Хилл», расположенной в самом сердце Матабелелэнда. Прямо напротив двери в отцовский кабинет стояло чучело огромного льва. Его застрелил вот на этом самом месте, где сейчас стоял дом, дед Дэвида и сейчас чучело стояло на почетном месте в самом центре холла дома. Его грива была даже не рыжей, а почти черной. Сам лев был огромным, каких сейчас уже не водится. Джону показалось, что лев издевательски подмигнул ему.

– У-у-у-у, зараза рыжая! – Джон щелкнул чучело льва по носу и отправился отбирать быков на продажу.

...

Этой ночью Джону не спалось. Марина вместе с сыном Эдрианом уехали в Италию и он сегодня спал один в своей комнате на отцовском ранчо. Просто не спалось и все, он сам не мог понять почему. Быков он отобрал, постарался, сделал все как надо. И все-таки не спалось.

Джон встал, спросонья нашарил шлепанцы под кроватью, натянул их на ноги. Полная луна ярким белым светом светила в окно, серебром заливая пол спальни. Зевнув, Джон сделал шаг вперед, к двери ведущей на веранду – и тут запнулся за чего-то и с шумом грохнулся об пол.

И в следующую минуту дом содрогнулся от залпа. Град пуль обрушился на усадьбу из темноты, с серебристым звоном полетели стекла. Сразу несколько автоматчиков, подбираясь к дому все ближе и ближе, вели огонь из автоматов Калашникова. Пули с противным визгом рикошетили от стен, уносились во тьму.

Уже через пару секунд Джон пришел в себя. Такие нападения хотя и были еще редкими – но все же уже были. И хотя в доме не было армейского оружия – охотничьего было в избытке в каждой комнате.

Джон перекатился ближе к кровати. Поморщился – осколки от разбитого окна больно впились в спину. Не вставая, потянулся рукой, открыл шкаф, стоящий рядом с кроватью – и тут дверца шкафа со свирепой силой вырвалась у него из рук, полетели щепки. Пуля от АК-47 ударила десятью сантиметрами выше рукоятки, за которую держался Джон.

Черт! Джон снова потянулся к двери, дернул ее на себя – и тут прямо на него упала его любимая винтовка, с которой он провел сотни часов в буше – охотничий Маузер, сделанный

вручную под патрон 30-06. Самый универсальный патрон, можно охотиться на дичь, при сноровке и на некоторую птицу. И даже на людей.

Ошупью пошарил по дну шкафа, пальцы наткнулись на знакомые картонные коробки – патроны. Вытащил две, разорвал упаковку пальцами, рассыпал патроны по засыпанному стеклянными осколками полу. Порезав пальцы об мелкие осколки стекла, затолкал один за другим шесть патронов в винтовку. Снял кожаные колпачки, предохраняющие оптику прицела.

ГОТОВ.

Снова перекатился, приходя в позицию для стрельбы лежа. Точно в такой же позиции он выпустил тысячи пуль – и сейчас был уверен что не промахнется. Горячая кровь из изрезанных пальцев попадала на ложе винтовки, на спусковой крючок, редкими каплями падала на пол – но Джон не обращал на это никакого внимания. Весь мир для него сейчас свелся к перекрестью оптического прицела, своему спокойному дыханию, открытой двери на веранду, через которую было так удобно целиться и вспышкам на дульных срезах автоматов впереди, которые словно язычки пламени мелькали во мраке африканской ночи.

Бах!

Винтовка привычно и жестко отдала в плечо, изображение в оптическом прицеле смазлось под воздействием отдачи – но чутье и опыт подсказали Джону, что он попал.

Бах!

Ага... Кажется и брат тоже добрался до винтовки. Теперь держитесь, гады...

Вверх – на себя – от себя – вниз. Классическое, отработанное годами тренировок движение, опытные стрелки затрачивают на него меньше секунды. Желтоватого цвета гильза, выброшенная из винтовки, запрыгала по полу – а Джон уже перевел винтовку на новые, ясно видимые в ночи вспышки выстрелов, нахал спуск. Винтовка отдала в плечо, грохнул выстрел.

Еще один огонек погас, а Джон только успел перекатиться по полу под защиту стены – как град автоматных пуль разнес в щепки остатки перил на веранде и вонзился в противоположную стену. Разъяренные потерей своих сотоварищей, боевики патронов не жалели.

Tp-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p.....

С другого крыла здания внезапно раздался грозный, несмолкающий звук, больше всего он был похож на звук рвущейся парусины, только был во много раз громче. Вскочив на ноги, Джон передернул затвор и дважды прицельно выстрелил по опешившим партизанам.

Пулемет Максим... Тот самый, старый «зигвагваген», Дейв де Вет держал его в своей спальне в полной исправности. Гости дома, когда видели пулемет, частенько шутили на эту тему, но старый Дэйв с каменным выражением лица сносил все шуточки и продолжал держать пулемет под рукой. И вот теперь он пригодился....

Tp-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p.....

Пулемет продолжал работать, тяжелые пули разносили в щепки кустарники и забор перед домом. Старая немецкая машина, которая была даже старше отца, работала безукоризненно.

Tp-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p-p

Пулемет заглох – и в ту же минуту Джону показалось, что за одной из построек сверкнула молния. Через секунду раздался сильный взрыв, как раз в том самом месте, откуда бил пулемет.

Стоя в проеме балконной двери Джон одну за другой выпустил две оставшиеся пули в сторону гранатометчика. Ему показалось, что он даже увидел, как черная тень, прячущаяся за сараем, согнулась пополам и упала на землю. Отбросив винтовку, Джон бросился по веранде к левому крылу, охваченному ревушим пламенем. Каждую секунду он ждал пули, которая оборвет его жизнь.

Но больше не стреляли. Следом за Джоном по веранде бежал его старший брат, Роджер. Напуганные серьезным сопротивлением, обстрелянные из пулемета, бандиты предпочли скрыться, бросив своих убитых и раненых. Гранатометчик дал выстрел только для прикрытия отхода.

– Папа!

Комната уже полыхала, жар обжигал лицо, но Дэвид смело сунулся в ревущий огонь. Распростершись на полу, лежал его отец.

– Где он?

Прикрывая голову руками от нестерпимого жара, в комнату вбежал Роджер.

– Вытаскиваем его!

Намертво вцепившись в отца, Джон тянул и тянул его из комнаты, сзади в его вцепился, помогая Роджер. Волосы на голове тлели с противным потрескиванием, но Джону было все равно. Задыхаясь, он вытащил отца на веранду, сделал шаг – и они вместе с братом полетели вниз, на землю через разнесенные в щепки перила. Навстречу уже бежали темнокожие работники фермы с ведрами – тушить разгорающийся особняк.

– Папа?

Отец лежал на спине, глаза были закрыты.

– Папа!?

Джон с силой затряс отца.

– Ты бы лучше дом тушил что ли, чем из меня душу вытрясать – раздался недовольный голос отца...

США. Пригород Вашингтона. 18 мая 2...9 года

– Ты, как я понимаю, уже все для себя решил? – нижняя губа у отца подрагивала, что было предвестником вспышки гнева.

– А ты как считаешь? – упрямо сказал я – я должен наплевать на завещание деда и бросить набитый золотом и бриллиантами транспортный самолет?

– Да никакого самолета и в помине ни х.. не было!! – как бомба взорвался отец – ты, что не понимаешь ни черта? Этот старый хрен под старость лет придумал идиотскую историю в духе Индианы Джонса, чтобы вернуть тебя в то дерьмо, что называется югом Африки! В этой гребаной Родезии я потерял твою мать и не хочу терять еще и тебя из за идиотских закидонов твоего деда!

...

Моя мать, Марина Фраскетти, родом из США из семьи итальянских эмигрантов, познакомилась с отцом на сафари в 1969 году, перед началом большой войны. В семидесятом родился я, причем по настоянию матери родился я в США и изначально получил американское гражданство, против чего дед был категорически. А в семьдесят девятом мама погибла в результате террористического акта, совершенного черными боевиками ЗАНЛА в Солсбери. Мощная бомба, начиненная болтами и гайками, взорвалась в супермаркете, убив маму и еще большие тридцати человек. Только по счастливой случайности там не оказался я – меня за день до этого положили в больницу вырезать аппендицит.

Именно эта трагедия стала причиной разрыва между отцом и дедом. За несколько дней до трагической гибели мамы отец сказал деду, что хочет уехать из Родезии, что ему все надоело, что он устал от войны. Дед обвинил его в трусости. Но после гибели мамы отца уже было не остановить – забрав меня, и обвинив во всем случившемся деда, он уехал в США, почти сразу же поступил в морскую пехоту. Наверное, для того, чтобы показать деду, что он не трус – с отцом я никогда на эту тему особо не разговаривал. Вот и получилось так, что с десяти лет я рос в корпусе морской пехоты США. Отец быстро рос по службе, все-таки боевой опыт давал о себе знать и, в конце концов, стал командиром антитеррористического подразделения. Ирония судьбы – но, даже уйдя из морской пехоты, я тоже попал в подразделение, занимающееся борьбой с терроризмом. Подсознательно, и я и отец все-таки помним, что случилось с мамой...

...

– Слушай, па! – вскипел и я. – Твои дела с дедом это твои дела! Мы договорились много лет назад, что в мою личную жизнь ты не вмешиваешься! Я решение принял и от него не отступлю! Вот так вот!

– Какая на хрен личная жизнь! Мы что, говорим про девчонку, которая от тебя залетела?! Ты ни разу в жизни не был ни в Родезии, ни в ЮАР и думаешь, что это какое-то гребаное сафари! Но это не сафари! Черные там мочат друг друга, это у них национальное развлечение, но стоит только появиться белому, как они объединяются против него! Там полное дерьмо и ты собираешься в него влезть по уши!

– Уже влез ... – буркнул я – уже...

– Ни хрена ты еще не влез – сказал отец – но, чувствую, влезешь. Что же, удачи тебе. Если до тебя дойдет, что творишь глупость – дай мне знать...

США. Вашингтон, округ Колумбия. Здание Джона Эдгара Гувера (Вашингтонский офис ФБР). 29 мая 2...9 года

– Слушай анекдот:

Встречаются как-то два начальника региональных офисов ФБР, первый второму и говорит: Слушай! Я себе такую секретаршу нашел! Двадцать лет, только из колледжа, натуральная блондинка, 90-60-90. Ну и ... сам понимаешь в общем...

А второй ему и отвечает: А у меня лучше.

Первый и спрашивает: Тогда про свою расскажи.

Второй: Ну, такая... Наполовину индианка, наполовину чернокожая. Лесбиянка вдобавок. И страшная, как смертный грех.

Первый с удивлением: Ты что, дурак? Чем же она лучше?

Второй: Да ни хрена ты не понимаешь в современной кадровой политике. Твоя только одну квоту закрывает: по доле женщин в отделе. А моя закрывает сразу четыре квоты: квоту на женщин, квоту на представителей сексуальных меньшинств, квоту на представителей темнокожих, квоту на представителей коренных народов. Вдобавок, если она решит срубить бабла и обвинит меня в харассменте²⁸ – ей ни один судья не поверит!

Сбоку раздался сдавленный смешок...

– Это хорошо, что ты шутишь, Эд – принужденной улыбкой улыбнулся Монро – а вот мне совсем не до шуток. Из-за этого ни... афроамериканца отдел внутренних расследований вцепился мне в глотку и не отпускает. Ничего не хочешь мне сказать?

– Все что я мог по этому поводу сказать, Генри, я изложил в своем рапорте – усталым голосом сказал я – и меня эти умники тоже за...али. Как под пули лезть – так их нет...

– У каждого своя работа – философски ответил Монро.

На столе у Айрин, многострадальной секретарши замдиректора Томпсона звякнул внутренний телефон...

– Инспектирующий агент Монро, агент де Вет, вас ждут.

...

В кабинете, несмотря на то, что на улице был белый день и ярко светило солнце, окна были плотно задернуты шторами и на потолке горели люминесцентные лампы. О том, что нефть сейчас дорогая и электроэнергию надо экономить Мэрион Томпсон не задумывался.

Нас ждало судилище. Суд святой инквизиции. Самый настоящий. За двумя сдвинутыми столами важно восседали:

Заместитель директора ФБР Мэрион Томпсон;

Заместитель начальника отдела внутренних расследований ФБР Дэвид Максвелл;

Следователь отдела внутренних расследований ФБР Нина Уильямс (не обращайтесь внимания на то, что женщина, такая вот женщина фору мужикам даст);

И, начальник Вашингтонского офиса ФБР Томас МакГенри, единственный человек во всем этом сборище, заслуживающий уважения.

Еще в помещении стояли два жестких офисных стула для провинившихся – то есть для Монро и меня. Максвелл позаботился о том, чтобы свет от одной из ламп падал нам в лицо. Сволочь. Впрочем, чего взять с отдела внутренних расследований – другие там не лучше...

– Итак, господа – занудным тоном начал Максвелл – мы собрались здесь для того, чтобы принять решение о том, достаточно ли у нас на сегодняшний день материалов для того, чтобы

начать служебное расследование в отношении агента Эдриана де Вета, агента Томаса Вествуда и других лиц относительно их действий 11 мая сего года при штурме школы в городке Уолддорф, штат Мэриленд. Напоминаю всем собравшимся, что у отдела внутренних расследований возникли вопросы относительно правомерности применения оружия, ставшего причиной смерти одного из подозреваемых, Тимоти Пая. Прежде всего, я бы хотел послушать объяснения агента де Вета по данному факту.

– Мне нечего сказать по этому поводу, сэр.

– То есть как это нечего? – резко сказал Томпсон, до этого сверливший меня глазами, как подгулявший фермер стриптизершу у шеста.

– Все факты я изложил в рапорте по данному вопросу. Больше мне сказать нечего.

– Интересно, интересно... – сказал Максвелл – если судить по вашему рапорту и рапортам ваших подчиненных, подозреваемый Тимоти Пай сдался вам живым, вы его задержали и приказали агенту Вествуду и двум другим агентам сопровождать его к служебной машине ФБР. Вы кстати, зачитали ему Миранду?²⁹

– Да, сэр – замогильным голосом сказал я – Миранду мы ему зачитали...

Про себя же я подумал: что за придурок... И что за дебильная у нас система, когда боец спецназа после штурма должен зачитывать террористу «Миранду». Проще пристрелить, чем Миранду читать, простите.

– А почему мы не нашли карточку подозреваемого Пая?³⁰

– Извините, сэр, у меня не случилось в кармане карточки с «Мирандой», она осталась в машине. Агент Вествуд должен был предоставить подозреваемому Паю возможность расписаться на карточке на улице.

– Это плохо, – с совершенно серьезным видом сказал Максвелл. – несколько карточек всегда должны быть у вас в кармане, агент де Вет.

– Понял, сэр, – с таким же серьезным видом ответил я, – больше этого не повторится. Максвелл кивнул.

– Теперь более серьезный вопрос, агент де Вет. Согласно вашим утверждениям, подозреваемый Пай напал на агентов, конвоирующих его к машине, и агент Вествуд был вынужден применить оружие на поражение. Вы подтверждаете это?

– Да.

– Прекратите врать, агент де Вет, – рыкнул Томпсон, – здесь не детский сад! Нам достоверно известно, что вы надели на подозреваемого Пая наручники, а потом агент Вествуд хладнокровно расстрелял его. Вопрос только в том: вы приказали Вествуду расстрелять сдавшегося подозреваемого или он сделал это по собственной инициативе?

– Агент де Вет, – тихим и спокойным голосом продолжил Максвелл, – мы опросили свидетелей и картина для нас ясна. Вы оставались в классе рядом с заложниками и приказали агенту Вествуду и еще двоим агентам сопровождать подозреваемого до машины. В коридоре школы агент Вествуд по собственной инициативе достал пистолет, и выстрелил подозреваемому в голову, а потом снял с тела наручники. Мы все равно это дело оформим и передадим в суд, для вас же будет лучше, если вы дадите правдивые показания. Я даже готов уничтожить ваш первоначальный рапорт, в котором содержатся ложные показания. Вы же не хотите сидеть с агентом Вествудом на одной скамье подсудимых?

---

²⁹ «Миранда» – список прав подозреваемого, с которыми он должен быть ознакомлен немедленно после ареста. Иначе арест будет признан незаконным и подозреваемого выпустят на свободу – прим. автора.

³⁰ В США, для того чтобы потом не было проблем, права «Миранда» отпечатаны на небольшой карте размером с игральную, которую носят в кармане полицейские, после зачитывания прав подозреваемый обычно расписывается на обороте карточки – прим автора.

– Мы не надели наручники на подозреваемого Пая, – твердо заявил я, – я знаю, что мы нарушили тем самым инструкцию. Готов понести взыскание. Кстати, а кто утверждает, что мы надели на Пая наручники?

– Двое детей из числа заложников, – недовольным тоном сказал Максвелл, – они все видели.

– Дети из числа заложников, – скептически хмыкнул я. – Ни один судья не примет показания детей, до этого переживших сильнейший нервный стресс и легкую контузию от близкого взрыва. У вас ничего нет, Максвелл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.